

ВОЛЬТЕР
(ФРАНСУА-МАРИ АРУЭ)

1694 г. – 1778 г.

Философ, поэт, драматург, публицист, историк

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Вольтер — крупнейший мыслитель XVIII столетия, и его вклад в становление и развитие философии Просвещения трудно переоценить. Его называли «*некоронованным королем*» общественного мнения. Статьи, памфлеты и книги Вольтера содержали острые высказывания на животрепещущие темы и часто издавались анонимно. При жизни автора они мгновенно распространялись по всей Европе, оказывая влияние на умы и сердца.

Первая часть книги — это «*Трактат о веротерпимости*» Вольтера, написанный два с половиной века назад, и сегодня звучит свежо и злободневно, так как его основная тема, толерантность к инакомыслящим, актуальна во все времена.

Терпимость — один из основополагающих принципов гуманности, считает автор и призывает власти, церковь и каждого отдельного человека руководствоваться этим принципом в своих действиях. Поводом для написания «*Трактата о веротерпимости*» стала казнь французского купца Жана Каласа.

Он был протестантом в католической стране, и, когда его сын покончил с собой, купца обвинили в убийстве — якобы он хотел помешать сыну перейти в «*праведную*» католическую веру. Суд признал купца виновным и приговорил к смерти через колесование.

Приговор был исполнен, этот случай приобрел широкую известность и дошел до Вольтера. Философ, возмущенный предвзятостью судей, начал кампанию по реабилитации купца. Она увенчалась успехом — все обвинения были сняты.

Автор начинает «*Трактат...*» с введения, где рассуждает о свободе мысли и веротерпимости как прямом следствии

такой свободы. Далее он обращается к случаю Жана Каласа, разбирая судебные ошибки и обличая религиозный фанатизм. Вольтер приводит исторические примеры терпимости и нетерпимости из разных эпох. *«Все люди должны считать других своими братьями»*, — таков итог размышлений философа.

Вторая часть книги состоит из двух важнейших глав трактата *«Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в Лондоне в 1765 году»* (*«Homelies, prononces a Londres en 1765, dans une assemblee privee»*). Эта работа, опубликованная в 1767 г., состоит из нескольких глав-проповедей. Критика атеизма и обоснование деизма (*Деизм признает существование Бога и сотворение им мира, но отрицает большинство сверхъестественных и мистических явлений, Божественное откровение и религиозный догматизм*) сочетаются у Вольтера с критикой древних и современных ему религий и церквей, в первую очередь иудаизма и христианства. В настоящем издании публикуются первые две части *«Назидательных проповедей»*: об атеизме и о суевории.

В период с 1726 по 1729 год Вольтер жил в Лондоне. Результатом его пребывания там стали *«Философские письма»*, опубликованные лишь в 1734 году на французском языке (подпольно распространявшиеся во Франции, как опасные для религии). Заключительной частью *«Писем»* стали *«Замечания на «мысли» господина Паскаля»*, которые стали третьей частью нашего издания. Восхищаясь Паскалем и одавая должное силе его ума, Вольтер, тем не менее, критикует его христианские воззрения, доказывая, что двойственность человеческой природы естественное явление, ибо человек сложен, имеет различные желания и страсти и может по-разному думать и поступать. Вольтеру представляется нелепым объяснение противоречивости человека мифом о первородном грехе, который есть объект веры, а не разума.

ТРАКТАТ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ, НАПИСАННЫЙ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ЖАНА КАЛАСА

ВВЕДЕНИЕ

Полагаем, в наш просвещенный век каждый образованный европеец считает, что веротерпимость — это долг правосудия, предписанный гуманностью, совестью, Богом, это закон, охраняющий мир в обществе, а значит, способствующий процветанию государств.

Если же в сословии литераторов, которые не отличаются ни достойной жизнью, ни достойными сочинениями, найдутся опровергатели этой точки зрения, то в качестве убедительных примеров можно привести принципы и политику, которых придерживаются в правительстве Соединенных Штатов Северной Америки, в парламентах Британского королевства, в нидерландских Генеральных штатах; можно привести и образ действий римского императора, российской императрицы, прусского и шведского королей.

Повсюду в Северном полушарии — от полярного круга до 50 градуса широты, от Миссисипи до Камчатки — веротерпимость вступила в свои права без смут и крови. И хотя конфедераты в Польше, обосновывая намерение убить короля и вступить в союз с турками, подбавили религиозных

доводов, это служит как раз доказательством того, что бессовестно так использовать религию и что веротерпимость необходима для спокойствия и мира.

Каждый служитель закона, верующий в Бога и признающий право на религиозные убеждения, должен отличаться веротерпимостью: он должен понимать недопустимость того, чтобы человеку приходилось выбирать между смертью и вероотступничеством.

Служитель закона знает, что любая религия имеет под собой фундамент — определенного рода факты и доводы, толкование известных книг, идею ограниченности человеческого разума; он знает, что среди приверженцев любой религии есть высоконравственные и образованные люди; что противоположные точки зрения доказывают люди честные и много размышлявшие по этому поводу.

Может ли служитель закона только лишь на основании того, что непоколебим в своей вере, называть врагами Господа тех, кто придерживается иных взглядов?

Может ли он считать свое твердое религиозное убеждение юридическим аргументом для того, чтобы распоряжаться жизнью и свободой тех, кто придерживается иных взглядов? Разве не очевидным будет для него, что последователи других религий могут применить против него такие же *«юридические доказательства»*, какие применяет он?

Теперь возьмем человека, который вообще не верит в Бога и считает религию сказкой. Станет ли он нетерпимо относиться к противоположным взглядам? Никогда.

Свою аргументацию он строит совершенно иначе и в своих убеждениях исходит из совершенно иных принципов, а значит, и мотивы для веротерпимости у него другие.

•

*Веротерпимость — это долг правосудия,
предписанный гуманностью, совестью, Богом,
это закон, охраняющий мир в обществе, а значит,
способствующий процветанию государств.*

•

Если он считает людей, исповедующих любую религию, безумцами, может ли он считать религию преступлением и лишать прав этих людей, при том что их безумие не нарушает общественного спокойствия и не делает их неспособными в отношении своих прав? Может ли он относиться к ним с нетерпимостью, если терпит лгунов, которые исповедуют чуждые себе верования лишь ради того, чтобы наживаться за счет обманутых людей?

В этом случае нужен способ получать юридические доказательства того, что тот или иной человек сам не верит в те нелепые взгляды, которые исповедует, но такого способа быть не может. Не послужит оправданием для такого закона нетерпимости даже тот довод, что эти убеждения способны привести к тяжелым последствиям.

Только в том случае, если в этих убеждениях прямо проповедуется убийство как религиозный долг, можно расценивать такие взгляды как преступление, однако это будет не религиозная нетерпимость, а мера, направленная на сохранение порядка в государстве.

Если же посмотреть с точки зрения закона и соблюдения прав человека, то очевидно, что право на свободу совести, свободу исповедовать свои убеждения публично и руководствоваться ими в своих поступках, но так, чтобы не нарушать чужие права, — это право так же реально, как право человека на собственность и на личную свободу.

Следовательно, притеснение этого права идет вразрез справедливости и закон против веротерпимости не может быть справедливым.

Разумеется, речь идет о постоянном законе, ибо мы допускаем, что если ревность к какой-либо религии вызывает лихорадочное состояние в обществе, то на определенный период в данном конкретном государстве требуется подобный закон, однако его введение будет в этом случае оправданно — как мера безопасности для тех, кого притесняют. Для блага всего человечества (а в этом видят свою цель все добродетельные сердца) просто необходима свобода совести, свобода религиозного культа и убеждений. В первую очередь потому, что только при такой свободе можно создать настоящее братство людей, ведь если невозможно объединить их в одной религии, то надо научить людей с разными религиозными взглядами относиться друг к другу как к братьям.

Кроме того, свобода совести и убеждений поможет развиваться человеческому разуму, находить истинные ответы на вопросы, связанные с моралью. Ведь никто не станет отрицать, что познание истины — высшее достижение и благо людей.

В самом деле, невозможно принятие или существование в стране закона, который бы противоречил тому, что, по мнению просвещенных людей, соответствует правам граждан и благу всего общества, то есть закона, противоречащего общепризнанной истине.

Разумеется, заблуждение не может победить такую истину — она крепко держится в умах. При любом политическом устройстве это единственное, что может служить барьером для злоупотребления силой.

Разве настоящая цель политики не в том, чтобы сохранять внутри государства мир, от которого зависит и процветание страны, и ее реальная сила, и, в конце концов, счастье людей?

Все перечисленные вещи нераздельны между собой, так же как нераздельны они с терпимостью, особенно в отношении религиозных взглядов, единственного, что важно для народа. В обширных государствах веротерпимость служит прочности правительства. В самом деле, у правительства достаточно средств, чтобы утихомирить отдельных личностей, если только эти личности не соберут и не поведут за собой столько народа, чтобы оказать сопротивление и полиции, и армии и выбить почву из-под ног правительства. Нетрудно догадаться, что такую опасную власть этим отдельным личностям могут дать лишь религиозные настроения в условиях, когда царит нетерпимость, ведь общество раскалывается всего на несколько лагерей, объединяющих большое количество людей.

При веротерпимости же, наоборот, исчезают причины для возмущений и столкновений в государстве. Ведь свобода культа порождает множество религиозных сект, эти группы малочисленны, не могут претендовать на господство в стране и поэтому не создают никаких волнений.

В протестантских государствах противники свободы культа настаивают на том, что католики хотят на руинах монархии установить власть церкви и поэтому нельзя терпеть католичество в стране. А в католических государствах, в свою очередь, считают, что протестантские общины враждебно настроены к абсолютной власти и поэтому нельзя терпеть протестантство. Для здравомыслящего человека это проти-

воречие служит лишним подтверждением того, что веротерпимость необходима, дабы ни одна религия не превратилась в господствующую и не сделалась опасной.

•

*Настоящая цель политики в том, чтобы сохранять
внутри государства мир,
от которого зависит и процветание страны,
и ее реальная сила, и, в конце концов,
счастье людей.*

•

Кое-кто говорит, что терпимость означает свободу мысли, поэтому неизбежно приведет к уничтожению морали, а следовательно, для счастья общества нетерпимость просто необходима. Зачем же так клеветать на человеческую природу? Выходит, что люди, начав мыслить и рассуждать, непременно станут порочными и бесчестными? Разве добродетель исчезнет, как только люди смогут свободно критиковать софизмы? Факты опровергают такое мнение: преступники в большинстве своем люди религиозные, свободомыслие им присуще редко. Свободное мышление есть результат умственных усилий, и не стоит путать его с нравственной распущенностью, приверженцы которой есть во всех странах. Безнравственность порождается грубыми инстинктами, а не разумом, в то же время уничтожить ее можно только с помощью разума.

Вы хотите видеть вокруг себя людей добродетельных и ценящих добродетель? Тогда общайтесь с людьми, которые стремятся просветить своих ближних, а не с теми, кто множит человеческие заблуждения. Если человек верит, что его религия истинная, то он должен стремиться к терпимости: во первых, это даст ему право на терпимость к своей

религии в тех государствах, где она не господствует, а во вторых, это позволит ей религии проникнуть во все умы. Ведь когда люди свободно могут защищать свои идеи, истина всякий раз торжествует. Приведем в пример такое заблуждение, как колдовство: оно практиковалось с древних времен, но с недавних пор, когда стало возможным рассуждать о колдовстве, оно стало очень редким явлением. Разве для того, чтобы люди разуверились в духах и ложных божествах, нужны палачи?

Так что и природа, и здравый смысл, и политика, и истинная вера — все призывает к терпимости. Однако по-прежнему есть сторонники гонений, и хотя в странах, где правительство просвещенное и гуманное, у таких фанатиков нет возможности расправляться с людьми, в их распоряжение отдаются книги и ограничивают свободу печатного слова под угрозой наказания. Что же получается на деле? Печатаются тайные издания, в которых свобода слова доходит до разнузданности, и если эти книги содержат опасные суждения, а у автора дурная слава, то ни один порядочный человек не станет критиковать их, дабы не скомпрометировать себя, а защитниками таких вредных книг выступают недостойные люди. Вот что достигается мерами подавления.

Бывает, что уважаемые корпорации требуют не допускать в страну те книги, где их мнение подвергается критике. Вероятно, они не понимают, что фраза *«Прошу вас помешать моему оппоненту опровергать мои идеи»* означает то же самое, что *«Я не верю в те истины, которые проповедую»*.

Как бы вы отнеслись к человеку, который противится тому, чтобы судья дал возможность высказаться обеим сторонам? Но когда речь идет об истине, вы-то как раз и представляете собой только одну из спорящих сторон, к какой бы

религии вы ни относились. Судьями же выступают совесть и разум других людей.

Разве есть у вас право мешать человеку в поиске истины?

Разве есть у вас право препятствовать тому, чтобы он просвещал других? Если вы можете представить доказательства своей веры, то почему противитесь ее рассмотрению? А если доказательств нет и ваша вера поселяется в сердце лишь милостью Божьей, тогда разве нужно эту благодатную силу подкреплять человеческим насилием? Есть во Франции книга, которая сама по себе служит мощным аргументом против религии: реестр, в котором указаны доходы духовенства. Содержание сего документа не является тайной, при том что епископы не пожелали дать королю экземпляр реестра.

Это один из тех протестов, которые изумляют и народ, и философа и которые предполагают только один ответ: вернуть государству все полученное духовенством и установить религию на тех правилах жизни, которые были у общин, начавших в давние времена устанавливать христианство. Стали бы вы посещать лекции профессора физики, который получал деньги, преподавая одну систему, а потом лишился их, преподавая другую? Стали бы вы внимать словам человека, который одновременно призывает к смирению и приказывает величать себя *«ваша светлость»*, который одновременно призывает к бескорыстию и занимается стяжательством?

Еще один вопрос: почему духовенство, в чьем пользовании находится около пятой части государственных богатств, хочет вести войну, возложив расходы на плечи народа? Если духовенство видит в некоторых сочинениях угрозу

для себя, то пусть оно не жадничает и хорошо заплатит за опровержение таких книг. Хотя оно вполне может позволить себе скупать все крамольные книги, которые издаются в Европе, — ежегодно это обходилось бы в сумму не более чем два миллиона, что не составило бы и пятидесятой доли налога на имущество церкви; никогда война не обходилась так дешево.

В одной брошюре написано, что те, кто свободно мыслит, отличаются нетерпимостью. Это вздор, ибо веротерпимость и свободомыслие — слова, близкие по значению. Доказательство, которое приводилось в брошюре, комическое: философы, сказано там, смеются над оппонентами и возмущаются преимуществами духовенства. Но подшучивание над глупыми доводами вовсе не означает отсутствие веротерпимости. Будь эти оппоненты, которые и рассуждать-то не умеют, людьми добродетельными и терпимыми, то нехорошо было бы высмеивать их, но они ведут себя вызывающе и занимаются придирками, так что насмешку можно рассматривать как акт справедливости.

Впрочем, в любом случае здесь нет никакой нетерпимости: поднимать на смех и преследовать — разные вещи.

•

*Опасную власть отдельным личностям
могут дать лишь религиозные настроения
в условиях, когда царит
нетерпимость.*

•

Что касается нападок на чужие преимущества, то если они, эти преимущества, не имеют обоснования, в таком случае протестующий требует лишь восстановления своих прав. В чем же здесь нетерпимость, если возмущение